

Завтра я умру

172

ОЛЕГУ Ястребову исполнилось столько лет, сколько вслух не говорят. И не празднуют категорически. Потому что хуже, чем эту дату праздновать, — только в пятницу тринадцатого числа в полнолуние встретить бабу с пустыми вёдрами в окружении стаи чёрных кошек. Это все знают. Но Олег решил-таки судьбу обмануть. Потому, что, во-первых, был человеком не суеверным, во-вторых, всегда праздновал дни рождения, начиная с первого класса, в-третьих, лучшего повода пригласить директора комбината и поближе с ним сойтись и представить себе сложно.

Недавно Олега назначили начальником цеха, директор всячески показывал своё расположение. А тут был реальный шанс, если и не подружиться, так хоть заприятельствовать. Глядишь — главным механиком назначат. Или даже главным инженером. А там и место заместителя директора замаячит. В общем, надо было праздновать. Хотя Лариска, жена, очень против была. Такие даты по народным приметам вообще не замечать надо. Но Олег настоял на банкете.

И удивительно хорошо всё прошло. В ВИП-зале ресторана «Волна» накрыли роскошный стол, повесили транспарант «Поздравляем с 39 годами и 12 месяцами». Народу много собралось: коллеги по работе, друзья, одноклассники, родственники. Речи говорили хорошие, приятные...

Директор Валентин Николаевич был; подарил охотничье ружьё; сказал, что уже не представляет себе коллектив без такого ценного работника и хорошего человека. А ещё очень надеется, что Олег будет участвовать в выездах на охоту руководства комбината.

Многие коллеги выступали. Говорили, что без Ястребова и комбинат — не комбинат.

Потом Лариска сказала тост, хороший и романтический. Про то, что уже двадцать лет Олег не просто муж, а вторая неотделимая половинка и как счастлива она, что Бог их вместе свёл.

Друзья выступали, одноклассники и однокашники. Подарков надарили и в вечной преданности поклялись. В общем, хорошо всё прошло.

А сразу после юбилея Олег взял на три недели отпуск. Никуда ехать не собирался. Так просто, на диване поваляться, книжки почитать да за грибами в ближайший лес сходить. Побездельничать хотелось.

Но бездельничать тоже уметь надо. В первый день отпуска Олег проснулся около десяти утра. Лариска давно ушла на работу. Олег уже и забыл, когда последний раз был дома один. Позавтракал, посмотрел телевизор. Почитал чуть-чуть. Время тянулось медленно, без привычного рабочего напряжения вдруг стало как-то скучно, тоскливо. Олег решил разобрать подарки, вручённые на юбилей. Спустился к машине, перетащил в квартиру упакованные коробочки и конверты, стал открывать. В основном дарили всякие ненужные безделушки — лакированные оленьи рога на дощечке; электрический самовар, расписанный под хохлому; набор фоторамок... Несколько человек вообще не заморочивались, а положили в конверты деньги.

А вот Санька Поляков, одноклассник бывший, преподнёс подарочный сертификат на бесплатное медицинское обследование. Санька работал в коммерческом медицинском центре, недалеко от дома Ястребова, какой-то начальственный пост там занимал.

Олег отложил всякие рога и самовары... Привычка ежегодно праздновать

день рождения привела к тому, что в гараже пришлось выстроить специальный стеллаж, заваленный бесполезными подарками.

Ястребов пообедал. До возвращения с работы жены было ещё несколько часов. Тащить подарки в гараж не хотелось. «А не пройти ли мне медобследование, – подумал Олег, – хоть время с пользой проведу. Да и здоровьем заниматься надо, не мальчик уже». Оделся и направился в клинику к Саньке Полякову.

Медицинский центр располагался в помещении бывшего магазина «Овощи-фрукты» в двух кварталах от дома Олега. И без того улыбчивая медсестра в регистратуре буквально засветилась от радости, увидев сертификат, подписанный Поляковым. Видимо, Санька имел здесь немалый вес.

– Мы предлагаем комплексное обследование всего организма с помощью новейшего медицинского сканера. Сестричка улыбнулась на все 32 зуба так, что Олегу стало малость не по себе.

– Это, как рентген, только без всякой радиации и облучения – абсолютно безвредно. Съёмка длится около часа, а потом вы получаете детальное цветное изображение всех ваших внутренних органов, очень подробное. Естественно, с комментариями специалистов нашего центра. Если что-то вдруг не так – хотя я уверена, что всё будет в порядке – мы сразу выявим проблему и направим вас в профильный центр на лечение. Готовы?

– Готов, иначе бы и не пришёл, – ответил Олег.

Медицинский сканер походил на томограф, но, по уверению доктора-оператора, был гораздо многофункциональнее. Олег разделся до семейных трусов, пожалев о том, что не передел их дома, и лёг на выдвижную полку аппарата. Доктор велел расслабиться и не нервничать, медсестра задвинула полку с Олегом внутрь электронной трубы. «Как в морге», – почему то подумалось Ястребову, но он тут же отогнал от себя неприятную ассоциацию и принялся размышлять о хорошем.

«Удалась жизнь, решительно удалась! Семья отличная, жена – красавица, может через пару лет детей заведём. На работе ценят, повышают. Денег хватает. Друзья верные, с детства вместе, – думал Олег, – что ещё для счастья надо? А дальше – ещё лучше всё будет!

В трубе пришлось полежать минут сорок. Затем медсестра вытащила полку, Олег оделся.

– Посидите полчаса в холле, – попросил доктор-оператор, – сейчас наши специалисты обработают данные.

Ястребов был даже доволен вынужденным ожиданием. Как раз время пройдёт, можно будет прогуляться не спеша пешком до дома, а там и Лариска с работы вернётся. А то скучно, оказывается, бездельничать-то. А завтра нужно будет за грибами съездить, чтоб не скучать...

Выскочила из кабинета медсестра, улыбнулась Олегу и куда-то убежала. Проскочила регистраторша, взглянула пристально... Доктор-оператор, бормоча «сейчас, сейчас», куда-то прошелестел. Ожидание затягивалось. Прошло больше двух часов, вероятно Лариска уже с работы вернулась. Олег уже подумывал над тем, чтоб плюнуть на эту диагностику и уйти домой – всё равно ведь чувствовал он себя превосходно. Но тут в холл вошла абсолютно очаровательная девушка и ласково пригласила:

– Олег Сергеевич, пройдите со мной, пожалуйста. С вами хочет переговорить Александр Александрович.

Олег проследовал за ней через длинный коридор в кабинет одноклассника.

Санька Поляков сидел прямо на письменном столе в джинсах и мятой рубашке, небритый. Едва Олег вошёл в кабинет, вскочил и полез обниматься:

– Старик, рад тебя видеть! Ну как ты?

– Да ничего после банкета не изменилось, – удивился Олег. – Всё так же... В отпуск вот вышел...

– В отпуск? Отпуск это хорошо... – Санька заметно нервничал. – Отпуск

нужен обязательно. Я вот тоже сегодня отдыхаю. Выходной.

– А здесь как оказался тогда?

– Здесь... Понимаешь, старик, приехал тебе одну вещь сообщить. – Санька странно хихикнул. – Ну, ничего страшного... Ты не нервничай только.

– Что за вещь? Говори уже! – Санькина нервозность передалась Олегу.

– Понимаешь, старик... Тромб у тебя. В мозгу. Неоперабельный. – Поляков проговорил это и вздохнул с облегчением.

– И что он означает?

– Означает? Означает, что оторвётся скоро. Вот тут на снимке видно, еле держится.

Санька сунул Олегу под нос снимок внутренностей его головы с чёрным пятнышком посередине.

– Вот видишь. А как оторвётся... Как оторвётся – всё.

– Что – всё? – не понял Олег.

– Всё – это всё. Умрёшь. Сразу. Ну, есть и хорошая сторона. – На Санькином лице расцвела дежурная улыбка: – Не почувствуешь ничего. Ни боли, ни страданий. Некоторые, знаешь, как тяжело умирают, ух!..

– И... Сколько осталось?

– Ну... Может, конечно, в любую минуту оторваться – дело это непредсказуемое. Но я думаю – недели три, а то и месяц у тебя... Если по голове никто бить не будет.

– Месяц?!

– Может, не месяц, но недели три наверняка. Ты, главное, не расстраивайся. Со всяким могло случиться. Я уж сам тебе решил сообщить по дружбе. Чтоб приготовился. Так что, давай, старик, держись. Заходи, если что...

«Ну вот мне-то за что?», – думал Олег, пока медленно брёл домой. Накрапывал мелкий дождик, Ястребов шёл прямо по лужам, промочил ноги, пару раз его обрызгали грязью проезжавшие мимо машины. «Есть же люди – негодяи последние, тот же Бахметьев или директорский зам Смирнов. У всех кровь пьют и ничего – живут. А я – всё... Или таких полно, кто вообще непонятно, за-

чем небо коптит. Не добились ничего, ни планов, ни мечтей... или мечтов?.. – ничего, короче. Как суслики в берлоге. И тоже – до глубокой старости. А у меня всё только начало складываться. Всё получаться только стало. И – на тебе. За что?!» От жалости к себе Олег расплакался. Потом пришли мысли о близких, друзьях, коллегах. О том, как его будут оплакивать, о том, какой удар это для них будет.

Лариса была уже дома, готовила ужин. Не успел Олег переступить порог квартиры, как жена начала высказывать своё недовольство:

– Ты же целый день дома сидел! Сложно было макароны сварить? Я, между прочим, работала!

– Лара, я умру...

– Все мы умрём и что? Из-за этого макароны сварить сложно?

– Ты не поняла... Я очень скоро умру... Может, даже завтра...

Супруга несколько секунд переваривала известие, затем села на табуретку и горько заплакала.

– Олежек, как же это? Почему? – Лариса размазывала рукавом по лицу потёкшую тушь, отчего стала походить на спецназовца в тылу врага.

– У нас же всё хорошо было.

– Не знаю почему. – Смотреть на жену в боевой раскраске Олегу было неприятно.

– Может, нагрешил где-то... Или – просто случай, с каждым может случиться.

– Олежек, что же делать-то теперь?

– Не знаю, что тут поделаешь. Ждать.

Неожиданно Олегу в голову пришла мысль:

– Знаешь, я всегда мечтал в Тибет съездить. В горы просто, не в монастыри эти китайские. В детстве картинку видел в журнале – красиво там. Думаю, может, осуществить мечту напоследок.

– И как ты туда поедешь?

Ларисины рыдания поутихли.

– Как, как... Деньги со счёта сниму и полечу. Увижу горы. Мечту осуществлю напоследок.

– А я?

– Что ты? Я быстро, за неделю обернусь. Доктора месяц обещали. Нормально всё будет. Ты дома останешься, ничего со мной не случится, уверен.

– Значит, ты в последние дни своей жизни меня одну оставишь и полетишь куда-то в Тибет?

Лариса перестала плакать, о слезах напоминало лишь перепачканное тушью лицо.

– Значит, вместо того, чтоб с женой вместе...

– Понимаешь, я же с детства об этом мечтал...

Олег был обескуражен.

– У меня же последний шанс Тибет увидеть.

– Тибет увидеть, да? На последние деньги. – Лариса начала злиться: – А на какие шиши мне потом тебя хоронить, ты подумал? Ему хорошо – он умрёт, а там хоть трава не расти. А на что жена потом жить будет – ему и дела нет! Эгоист! Только о себе!

Олег, выскочил из квартиры, громко хлопнув дверью.

Дождь на улице прекратился, о былой непогоде напоминали лишь лужи и грязь. Олег брёл по городу. От обиды на судьбу и на Лариску намеренно ступал по самой грязи, по лужам – раз уж всё плохо, пусть совсем отвратительно будет! Ноги были мокрые, джинсы в грязи.

«Нет, ну почему я? Почему со мной?.. – Мысли перебивали одна другую. – Как так можно? Я ж ей всю душу... Всё в дом... А она – только о деньгах. Как я в ней ошибся! Столько лет глядел и не разглядел! Эх-х! Маринка в институте как на меня смотрела! А я не замечал... На эту глядел только, эх-х... Начать бы всё сначала. А скоро конец! Но почему я?»

Домой возвращаться ни какого смысла не было. Провести последние дни жизни в обществе этой женщины... Совсем уж последнее дело! Хотя у него теперь все дела последние...

Олег решил по-человечески попрощаться с теми, кто его действительно любит и ценит. Ну, кроме родителей.

Как им сказать, он не знал. Да и чувствовал, что никакой поддержки не получит. Только слёзы. Слышать причитания матери... Лучше с Лариской до самой смерти просидеть.

Ястребов направился к Генке Соловьёву – лучшему другу, с детства, с начальной школы вместе. Вместе в армию ушли, вместе в один институт потом поступили, хотя и на разные факультеты. Всегда дружили. В последние годы, правда, не часто общались – карьера Олега поёрла вверх, а Генка так и сидел в каком-то проектно институте без всяких перспектив на лучшее. Но перезванивались раз в неделю обязательно. Не было, пожалуй, у Олега друга ближе за всю его жизнь.

Пока шёл пешком по лужам, пока деньги с банкомата снимал, пока коньяк покупал – ночь наступила.

Генка долго не подходил к двери, потом заспанным голосом несколько раз переспрашивал «кто там?», возился с ключами. Наконец лучший друг впустил Ястребова в дом. Соловьёв в семейных трусах и рубашке, накинутой на голое тело, явно не обрадовался визиту старорого товарища.

– Ну ты чё, Олегин, позвонить не мог?

Генка стоял в прихожей, не приглашая друга в дом.

– Нам с Ленкой завтра вставать рано, на работу. Вот, пораньше легли, выспаться хотели...

– Завтра... Я, Генаха, может, умру завтра. – К такому приёму Олег был не готов, оттого и начал сразу оправдываться: – Я и зашёл-то именно поэтому – попрощаться. У меня тромб в мозге. Так что – извини...

– Какой тромб?

– Откуда я знаю какой? Врачи сказали: максимум месяц жить осталось. Но могу и завтра того...

Олег вытащил из-за пазухи коньяк.

– Вот. Проститься надо со всеми по-человечески.

– Как же это? – до Генки, наконец, дошла серьёзность момента.

– Пойдём на кухню, расскажешь. Ленку поднимать не будем, незачем, ага?

Устроились на кухне, открыли коньяк, Соловьёв достал из холодильника банку шпрот на закуску. Выпили по маленькой. Олег подробно рассказал про поход к врачу и про то какая меркантильная эгоистичная сука Лариска.

– Ты, Олегин, не переживай, – как умел, Генка принялся утешать друга. – Может, образуетя ещё. Может, ошибка какая. Врачам верить нельзя, в платных больницах – тем более. Им бы только деньги содрать. Я-то вот по платным больницам не хожу – зарплата не позволяет. А ты ходишь, значит... И вона чё...

Олег невольно опять начал оправдываться:

– Ты ж был на юбилее, видел – Поляков подарил, одноклассник наш...

– Ну да, ну да... Поляков... Со мной-то он особо не общается – рожей я для него не вышел.

Генка разлил по второй:

– Я про то и говорю. Вот поёрло тебе в жизни. Должность, деньги... Вот типа друзья – такие подарки дорогие делают. И чё? Хороший подарок, а? Эх, вот такая она сука – жизнь! И бабы все суки. Что Лариска твоя, что моя Ленка. Вот я ей на прошлой неделе говорю: надо крышу на даче перекрыть. А она своё: в отпуск поедет. А откуда у меня столько денег, а?

– Генаха, я умру скоро...

Олег, собственно, не знал о чём говорить в такой ситуации, но точно уж – не о дачных крышах.

– Олегин, думаешь, я не переживаю?

Генка разлил ещё по одной:

– Я очень сильно переживаю. Но надеюсь, что всё обойдётся. Вот если Бог есть – всё обойдётся. Точно. Вот ты мне скажи – у тебя зарплата побольше будет... Ну, была... Ты свою Лариску каждый год на моря возишь? Ну, возил? И вот если б у тебя на даче крыша текла, а денег впритык было – повёз бы её на море?

– Ген, можно я у тебя переночую?

Разговор со старым другом уже начал тяготить, но домой Олегу идти вообще не хотелось.

– Да. Конечно, ночуй. В таких-то обстоятельствах... Ну, в смысле, ночь уже.

Генка понял, что ляпнул что-то лишнее:

– Короче, давай по последней, Олегин, и я тебе раскладушку принесу. Ложиться надо – завтра вставать рано.

Рано утром, шести не было, пока Генка с женой ещё спали, Олег тихо собрался и пошагал через весь город к себе на завод, чтоб как-то убить время. К проходной подошёл уже в самом начале десятого, когда все коллеги точно уже были на местах.

Вначале Ястребов хотел было обойти все цеха, всех ребят знакомых. Рассказать каждому про свою беду, извиниться, если что не так сделал, попрощаться. Но потом решил, что это слишком мелодраматично, да и долго. И направился напрямик в директорский кабинет.

Директор был на месте. Едва секретарша доложила – сразу пригласил к себе.

– А-а, Олег Сергеевич, заходи, присаживайся!

Валентин Николаевич привстал навстречу, разулыбался:

– Что, не отдыхается тебе? Скучно в отпуске? Вот то-то! И хорошо, что зайти решился. Тут дело такое...

– Валентин Николаевич, я, может, завтра умру, – прервал Олег директорскую речь. – У меня врачи тромб в мозге нашли. Максимум недели три есть. Вот. Попрощаться зашёл. Ну и – чтоб жене помогли потом как то...

– Да вы что, сговорились сегодня, что ли, все!

Директор от раздражения стал как-то смешно подвизгивать в речи:

– Капишева в декрет уходит, Альтбаум увольняется, ты – умирать собрался! А работать кто будет?! У меня такие планы на твой счёт были. Хотел тебе должность главного механика

предложить, звонить уже собрался, а тут ты и сам объявился... И вот – на тебе!

– Валентин Николаевич, я не специально...

Олегу вдруг стало стыдно за то, что он умирает:

– Я не хотел, судьба такая...

– Да я тебя не виню, Олег Сергеевич.

Директор успокоился:

– Обидно просто. Кого мне теперь главным механиком назначать?

– Может, Денисова?

– Может, и Денисова... Да... Подумать надо.

Валентин Николаевич что-то написал в кожаном ежедневнике и спросил:

– А ты – когда? Ну, это...

– Максимум месяц остался.

О сроках собственной жизни Олег в директорском кабинете отчитывался так же, как и о сроках выполнения производственного плана:

– Но, скорее всего, через три недели. А может, и раньше.

– Значит, из отпуска на работу уже не выйдешь? Обидно, очень обидно!

До шефа наконец дошло, что надо бы и посочувствовать Ястребову:

– Ты, Олег Сергеевич, не переживай. Всё устроим в лучшем виде. Мы своих не бросаем! Вдове помощь материальную выделим, на хорошем кладбище место купим. Похоронную комиссию я прямо сегодня назначу. С Мирольдой Андреевной во главе. Ну, знаешь, завклубом наша. Она – баба толковая, на таких делах собаку съела. У Ванькиного сына свадьба была – так всё организовала, что все до сих пор помнят. Весело получилось – не забыть, хотя больше года прошло. Так что – всё в лучшем виде сделает.

– Спасибо, Валентин Николаевич!

– Да не за что! Мы ж одна команда, почти семья!

Директор был горд своей демократичностью и чуткостью к подчинённым:

– Ты б на моём месте так же поступил. Ладно, будь здоров, Олег Сергеевич. Удачи тебе.

Давая понять, что разговор окончен, директор нажал кнопку селектора:

– Наташа, Мирольду Андреевну из клуба ко мне пригласи.

Олег вышел из кабинета.

Ястребов направился в банк, снял все деньги со счёта. Затем в автоломбарде заложил машину и поехал в аэропорт.

В обед позвонил Поляков:

– Старик, ты стоишь? Лучше сядь, а то упадёшь. Нет, лучше танцуй!

Санька через мобильный телефон передавал тонны энтузиазма:

– Нет у тебя никакого тромба! Здоров ты как бык, пахать на тебе надо.

– Как?..

– Да вот так. Прикинь, сначала у тебя тромб в мозге нашли. А потом сразу ещё у двоих пациентов. А так не бывает. У двоих подряд – ещё может быть. А у троих – точно нет. Статистика, брат. Точная наука. Вот мы и начали аппарат проверять, принтер специальный, большой, короче, не так важно, какой... И в

принтере мошка какая-то сдохла, там, где голова печатается. Гы-гы-ы, Олечек, таракан у тебя в голове, а не тромб!

Санька радостно заржал:

– У нас сисадмин – женщина. Прикинь, системный администратор – баба. Я ей говорю: надо следить за принтерами, чистить. А она: это не моя работа. Давно б уволил, да с ней шеф крутит...

– А тем двум уже сообщили?

– Тех двух лечить будем!

Поляков заржал ещё громче:

– Конечно, по льготной цене, со всеми скидками. И обязательно вылечим. А тебе я, как другу, всю правду сообщаю. Ладно, бывай, старик, живи до ста лет.

Санька заржал ещё напоследок и отключился. Как раз в это время подошла очередь к кассе. Олег приветливо улыбнулся миловидной кассирше:

– Девушка, мне, пожалуйста, один билет на любой ближайший самолёт куда-нибудь на Тибет, где горы и визы не надо. Да, отдохнуть вот так решил. Да, вполне подойдёт. Что? Нет, обратно не надо.

